

Давид Схimmelпennинк ван дер Ойе

Беспристрастная история революции*

David Schimmelpenninck van der Oye

(Brock University, Saint Catharines, Ontario, Canada)

An impartial history of the revolution

DOI:

До недавних пор общим для западных историков являлось представление, что их российские коллеги больше внимания уделяют 100-летию Первой мировой войны, нежели юбилею Великой российской революции (1917—1922). Хотя 2017 г. не был отмечен появлением новых памятников или пышными торжествами в ознаменование столетия Октября, падение династии Романовых и приход к власти большевиков во главе с В.И. Лениным не прошли незамеченными. В этой связи особого внимания заслуживает выход в свет солидного коллективного исследования, подготовленного сотрудниками Института российской истории (ИРИ) РАН. Данный труд — показатель того, что после четверти века сумбура и неопределённости, последовавшего за коллапсом СССР, российские историки обрели способность относительно беспристрастно изучать русскую революцию.

Пожалуй, в её оценках в России за прошедшее столетие гегельянец усмотрел бы хороший пример диалектики. В советскую эпоху этот феномен, по крайней мере официально, рассматривался как неотвратимый прорыв в светлое социалистическое будущее. Однако после распада Советского Союза многие в России стали воспринимать Октябрь 1917 г. лишь как грандиозную трагедию, сопровождавшуюся бессмысленным насилием и причинившую огромные бедствия. Во всяком случае, акцент делался преимущественно на её героях либо злодеях.

Сегодня российские историки склонны в большей степени интересоваться причинами революции, а не поисками виновников её осуществления. Такова цель, недвусмыс-

ленно поставленная директором ИРИ РАН Ю.А. Петровым перед своими коллегами. Авторскому коллективу, отмечает директор института, надлежало ответить на «объективно возросшую потребность современного российского общества, после длительного периода идеологического, политического и историографического мифотворчества революции перейти к объективному осмыслению её как исторически закономерного звена непрерывного исторического развития России» (т. 1, с. 8). Как и в международном проекте (опубликованное в США многотомное издание, посвящённое Первой мировой войне 1914—1918 гг. и революции в России)¹, многие участники которого являются и авторами рецензируемого двухтомника, Петров фиксирует «эпоху великих потрясений». Он рассматривает революцию не как единовременный радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками, а в качестве части многостороннего процесса (1914—1921), однако оставляя саму Великую войну за скобками.

Наряду с обстоятельным историографическим обзором двухтомник включает разделы, посвящённые внешней политике, обществу, массовым движениям, экономике, государственным институтам, политическим партиям и культуре России. По тематике внешней политики (обычно оставляемого без внимания аспекта русской революции) Д.Б. Павлов представил развёрнутый очерк дипломатии Временного правительства, В.П. Булдаков рассмотрел ход трудных переговоров с немцами в Брест-Литовске, призванных вывести новорождённое боль-

* Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. 743 с.; Т. 2. 591 с., ил.

шевистское государство из войны. Если Временное правительство во многом, как и его имперский предшественник, на международной арене действовало без оглядки на положение внутри страны, то после Октября 1917 г. внутренняя и внешняя политика оказались теснейшим образом взаимосвязаны. Как верно замечает Булдаков, в 1918 г. само их различие «утратило привычное содержание» (т. 1, с. 125).

Петров в соответствии со своей научной специализацией вместе с семью другими историками выступил автором посвящённого экономике объёмного (230 страниц) раздела. В его главах рассмотрены состояние российских финансов, промышленности, сельского хозяйства, транспортной системы и соответствующая политика очередного правительства. Опровергая общепринятый взгляд, они показывают, что к началу 1917 г. в экономике Российской империи появились признаки оздоровления. Основная проблема заключалась в том, что львиная доля экономического роста пришлась на военно-промышленный сектор, в то время как производство гражданской продукции продолжало отставать. К тому же в ситуации, когда треть работоспособного мужского населения страны была поставлена под ружьё, рост сельского хозяйства сдерживала нехватка рабочих рук. Безвольной и сумбурной экономической политикой Временного правительства российская экономика была ввергнута в состояние свободного падения.

Вопросам политической жизни революционной России посвящены два содержательных раздела («Трансформация властных институтов» и «Общероссийские политические партии в революции 1917 г.»). Временное правительство вновь предстаёт здесь безнадёжно нерешительным. С одной стороны, его министры пошли по пути широких реформ, призванных внедрить в бывшей империи гражданские политические институты по западному образцу, с другой — продемонстрировали отсутствие энергии и воли к осуществлению болезненных мер. Временное правительство, отмечает К.А. Соловьёв, являлось «диктатурой, которая стеснялась своих диктаторских полномочий. Это была революционная власть, которая не считала себя вполне революционной» (т. 1, с. 479).

Примечательно, что, по мнению авторов раздела, не следует всецело возлагать на Петросовет ответственность за беспомощность Временного правительства. Сразу по-

сле Февраля, подчёркивают исследователи, Советы проявили готовность сотрудничать с новым режимом. Исходя из этого, в России попросту не сложилось обоюдного соперничавшего двоевластия. На деле министры позволили власти выскользнуть из своих рук, с тем чтобы в конечном счёте в октябре её подобрали большевики.

Один из самых захватывающих разделов книги освещает проблему революции в культуре. Для российских историков это относительно новое исследовательское поле, в то время как на Западе эти вопросы изучаются давно — достаточно вспомнить работы покойного Р. Стайтса². И вновь авторы бросают вызов общепринятой точке зрения, согласно которой революция в культуре была призвана всецело покончить с предшествовавшим ей Серебряным веком с характерными для него экзотикой и склонностью к творчеству ради творчества. Напротив, в исторической ретроспективе, констатирует Булдаков, «революция неотделима от русской культурной традиции» (т. 2, с. 393). Как показывает Т.А. Филиппова, в послеоктябрьский период интеллигенция оказалась «одновременно транслятором и жертвой культурной архаики русской “почвы”, которая с очевидностью грубого холста проступала сквозь красочный слой революции, и которую так умело утилизировала новая власть» (т. 2, с. 557—558). Вместе с тем, заключает она, даже через 100 лет трудно найти «окончательный» ответ на вопрос, как и в результате чего в советских условиях произошло переплетение традиций с новациями в сфере культуры.

Коллектив исследователей под руководством Петрова подготовил отличную книгу, неocenимую для студентов, изучающих русскую историю (и их профессоров), способную помочь им понять драматические события 1917 г. Но даже 1 000-страничный труд не может быть свободен от некоторых недостатков. Так, признавая влияние на ситуацию в России Первой мировой войны, непосредственно ей авторы уделяют удивительно мало внимания. Полагаю, что на пользу работе пошло бы более активное их обращение к зарубежным источникам. Однако всё это нисколько не умаляет достоинств рецензируемого труда. Его содержание доказывает, что по крайней мере в историческом сообществе с призраками холодной войны уже покончено. Если в советскую эпоху российские и западные историки изучали революцию 1917 г. в полной изоляции друг

от друга, то ныне, как справедливо указывает Ю.А. Петров, они действуют в едином историографическом пространстве.

Примечания

¹ См.: URL: <http://russiasgreatwar.org>.

² См., например: *Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. N.Y., 1991.

Федор Селезнев

Рец. на: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2017. 216 с.

Fedor Seleznev

(Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Rec. ad op.: Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady. Saint Petersburg, 2017

DOI:

Кафедра русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, продолжая традиции, заложенные В.И. Старцевым, с 2007 г. ежегодно проводит научные конференции, посвящённые революции 1917 г. По их итогам под редакцией председателя оргкомитета конференции, доктора исторических наук, профессора А.Б. Николаева регулярно выходит сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». Очередной его выпуск вышел в год столетия революции.

Открывает сборник статья А.Г. Румянцева, посвящённая загадке «пулемётов Протопопова» — легенде о том, что последний царский министр внутренних дел разместил на крышах и чердаках Петрограда тысячу пулемётов, которые должны были расстреливать народ¹. Чтобы разобраться в этом вопросе, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства 7 апреля 1917 г. поручила прокурору Петроградской судебной палаты собрать сведения о стрельбе с крыш в дни Февральской революции. Под руководством члена комиссии В.О. Южвика-Компанейца были собраны два тома дела «о противозаконных действиях высших должностных лиц в борьбе с февральской революцией и использованием полицией пулемётов». Оно содержит копии протоколов допросов должностных лиц цар-

ского МВД, а также показания очевидцев. В настоящее время эти документы находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга². Из них автор в своей работе использовал протокол допроса бывшего полицеймейстера 4-го отделения генерал-майора В.Ф. Галле, который обвинялся в обучении полицейских стрельбе из пулемётов. Из документа следует, что Галле категорически отрицал использование пулемётов петроградской полицией. Никаких доказательств его участия в обучении полицейских обнаружено не было, и Галле отпустили на свободу. Таким образом, делает вывод автор, обучение полицейских стрельбе из пулемётов «являлось, по-видимому, лишь слухом»³.

Тем не менее с крыш Петрограда в дни революции всё-таки кто-то стрелял. Так, из записей учёного-правоведа, известного деятеля Союза русского народа Б.В. Никольского, с которыми знакомит читателей Д.И. Стогов, следует, что пулемётный огонь с крыш 27—28 февраля 1917 г. вели некие неизвестные лица («Тревожит и смущает меня повсеместная пальба по толпе и солдатам из пулемётов: кому и зачем это нужно?»⁴).

Общезвестно, что решающую роль в победе революции сыграл переход на сторону противников самодержавия войск Петроградского гарнизона. Большинство исто-